

Пираты Сомали: восполнение вакуума власти или умелая кооптация?*

Пастушенко Екатерина Владимировна, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, факультет управления и политики (Москва, Российская Федерация)
студентка 3-го курса бакалавриата;
e-mail: kpkpast@gmail.com

Научный руководитель:

Кудряшова Ирина Владимировна, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; кафедра сравнительной политологии (Москва, Российская Федерация)
доцент кафедры, кандидат политических наук;
e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Аннотация

Статья призвана оценить степень политической автономии сомалийских пиратов. Для достижения этой цели автор в логике теории рационального выбора анализирует ресурсную базу, необходимую для их деятельности, отвечая на вопрос, реально ли обеспечить таковую, не обращаясь к внешней помощи. Для этого используется предложенная Всемирным банком трехзвенная модель (рабочая сила, финансы и политический капитал). По итогам ее анализа автор приходит к выводу, что пираты крайне зависимы от политического климата государства, в котором они ведут свою деятельность.

Ключевые слова: Сомали, пиратство, Сомалиленд, Пунтленд, стабильность, кланы, теория рационального выбора, теория ничейных земель, теория спонсорства.

Pirates of Somalia: Filling a Power Vacuum or Skillful Co-optation?*

Ekaterina V. Pastushenko, Moscow State Institute of International Relations; Faculty of Governance and Politics (Moscow, Russian Federation)
BA student;
e-mail: kpkpast@gmail.com

Academic Supervisor:

Irina V. Kudryashova, Moscow State Institute of International Relations; Department of Comparative Political Science (Moscow, Russian Federation)
Associate Professor of the Department, PhD of Political Sciences;
e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

* Статья была рекомендована к публикации в журнале «Новизна. Эксперимент. Традиции» оргкомитетом конкурса научных работ по политологии, состоявшегося в июне 2024 года на факультете международных отношений и политических исследований РАНХиГС – Санкт-Петербург. По итогам конкурса работа получила второе место в номинации «Сравнительная политология».

** The article was recommended for publication in the journal “Novelty. Experiment. Traditions” by the organizing committee competition of scientific papers on political science, held in June 2024 at the Faculty of International Relations and Political Studies of the Russian Academy of National Economy and Public Administration – St. Petersburg. According to the results of which the work received the second place in the nomination “Comparative Political Science”.

Abstract

The article aims to assess the degree of political autonomy of Somalian pirates. To achieve this goal, the author analyzes the resource base necessary for their activities in the logic of rational choice theory, addressing the issues whether it is realistic to be self-sufficient without external assistance. The author resorts to a three-link model (labor, finance and political capital) suggested by the World Bank. Building on the result of the analysis, the author concludes that pirates are highly dependent on the political climate of the State they operate in.

Keywords: Somalia, piracy, Somaliland, Puntland, stability, clans, rational choice theory, no man's land theory, sponsorship theory.

ВВЕДЕНИЕ

Феномен пиратства существовал с момента возникновения суверенного сомалийского государства: первые сообщения о нападениях пиратов в Аденском заливе датируются концом 1950-х годов [12, с. 23]. Однако тогда это были хаотичные акты отдельных лиц. Статус угрозы безопасности региону, а позднее и всему мировому сообществу пиратство приобрело к 2005 г., когда из отдельных внесистемных случаев преступная деятельность переросла в социальный институт. В период с 2005 по 2010 г. пиратам удалось захватить 3741 члена экипажа из 125 стран мира и заработать поистине колоссальные суммы денег на выкупах (только в 2010 г. было захвачено около 50 судов, сумма выкупа за которые составила примерно 250 млн долл.)¹. В 2008 г. доклад, подготовленный аналитическим центром Chatham House² [11, с. 6], констатировал необходимость незамедлительной реакции международного сообщества в силу пугающей скорости, с которой эволюционировал институт пиратства в Сомали: пираты усовершенствовали свое оборудование (начали использовать GPS-системы), стали частью международной сети, передававшей информацию о движении судов из портов Персидского залива, и так далее. В итоге за 2008 г. Совет Безопасности ООН принял 13 резолюций, направленных на поддержку мер по борьбе с пиратством у берегов Африканского Рога. В подавлении угрозы также участвовали НАТО (операция «Океанский щит»), ЕС (операция «Атланта»), Лига арабских государств и отдельные страны в рамках своих акваторий (в том числе Россия). В результате скоординированных действий как государственных, так и негосударственных акторов мировой политики к 2012 году угроза была в основном ликвидирована.

Методология исследования

Существует две ключевые призмы, при помощи которых можно анализировать феномен пиратства. Наиболее популярной является концепция «ничейных земель» [5, с. 32], согласно которой пиратство возникает в периоды государственного коллапса и, соответственно, вакуума власти, который и восполняют подобные силы. Так было в случае с киликийскими пиратами во II–I вв. до н. э. и пиратами на побережье Южного Китая в начале XX в. Вторая призма — концепции спонсорства, в логике которых пиратство воспринимается как инструмент утверждения интересов внешнего патрона; примерами служат каперы и берберские пираты [9, с. 76].

На начальном этапе борьбы с этой угрозой (до 2008 г.) пираты Сомали рассматривались как принципиально новый, во многом независимый региональный актор, возникший

¹ The Pirates of Somalia: Ending the Threat, Rebuilding a Nation // The World Bank. Regional Vice-Presidency for Africa. — 2012. — 216 p.

² Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

в ситуации фактического распада государственности в этой стране [3, с. 4]. Однако реальность видится более сложной.

В настоящей статье поставлена **цель** оценить степень субъектности сомалийских пиратов и определить, как политическая конфигурация государства влияла на их деятельность. Для достижения этой цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Определить типы ресурсов, которые необходимы пиратам для ведения своей деятельности.
2. Проанализировать, какой уровень политической стабильности требуется пиратам Сомали для обеспечения себя необходимыми ресурсами.
3. Описать географический ареал деятельности сомалийских пиратов, разделить его на зоны.
4. Оценить уровень политической стабильности в каждой из зон.
5. Сопоставить уровень стабильности и масштабы пиратской активности в этих зонах.

Исходя из поставленных выше задач, **объектом** данной работы выступит феномен сомалийского пиратства, а **предметом** — зависимость сомалийских пиратов от конфигурации политических сил в регионе.

Актуальность исследования обусловлена масштабом деятельности внесистемных неинституционализированных акторов, ориентированных на получение прибыли преступным путем, в африканском регионе. Вопрос субъектности подобных единиц и степени их зависимости от внутриполитического ландшафта важен не только в контексте Сомали, но и для понимания особенностей возникновения новых вызовов и угроз на всем континенте.

Исследование также обладает **научной новизной**, поскольку несмотря на высокий интерес к проблеме пиратства со стороны международных организаций и зарубежных ученых (ниже будут приведены ссылки на обстоятельные отчеты Всемирного банка и монографии по данной теме), отечественные исследования ограничиваются работами нескольких авторов (Д. В. Лушпай [2, с. 157], М. Войтенко [1]).

Методологическим подходом, на основании которого выстроена данная работа выступает теория рационального выбора в целом и концепция вето-игроков Дж. Цебелиса в частности [4, с. 201]. Поскольку работа исследует микроуровень политической жизни, а именно расклад сил и мотивацию различных акторов в рамках отдельно взятой страны и ее регионов, то теория рационального выбора, изучающая стимулы политических игроков принимать те или иные решения в зависимости от их предпочтений и имеющихся в распоряжении ресурсов, представляется наиболее продуктивной. Концепция вето-игроков, изучающая вопросы стабильности, перемен и статуса-кво, позволяет оценить, как количество и политический вес акторов в регионе влияют на деятельность, которую они осуществляют. Методом исследования выступил **кейс-стади**, то есть максимально подробное изучение одного конкретного случая с целью выведения общих закономерностей, которые можно будет исследовать в дальнейшем.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важная особенность сомалийских пиратов состоит в их ориентированности на получение выкупа [10, с. 21]. Они не обладали нужными каналами коммуникации и ресурсным потенциалом, чтобы реализовать украденное по себестоимости, поэтому их единственной возможной моделью действий было удержание захваченного судна в ожидании денежной суммы за его освобождение. Следовательно, для пиратов были в равной степени важны как ресурсы для осуществления захвата корабля, так и доступ к месту его длительной стоянки (поскольку получение выкупа могло растянуться на несколько месяцев, а то

и лет). Учитывая это, авторы отчета Всемирного банка разработали трехзвенную модель ресурсной базы, делавшей сомалийское пиратство возможным³. Ее компонентами являются рабочая сила, финансы и политический капитал.

За первую позицию отвечает высокий уровень безработицы в Сомали, вызванный экономическим коллапсом страны.

Ко второму компоненту относятся стартовый капитал (для обеспечения всем необходимым одного пиратского судна требуется примерно 80 тысяч долл.) и средства финансирования переговоров о выкупе (то есть торговый кредит на содержание корабля и его экипажа в период ожидания в порту). И если второй тип инвестиций не является рискованным (кредитор предоставляет средства при условии получения процента от выкупа судна), то первый крайне ненадежен. Согласно подсчетам экспертов Всемирного банка, вероятность того, что пираты получают прибыль в ходе своей вылазки, составляла всего 15 %. При этом обеспеченные люди Сомали продолжали инвестировать в пиратство, даже несмотря на столь призрачные шансы на успех, что свидетельствует о крайне ограниченной возможности легального заработка на территории страны. Таким образом, второй критерий оценки потенциала пиратства уже демонстрирует существенную зависимость пиратов от спонсоров их деятельности.

Еще сильнее эта зависимость отражена в третьей критерии — политическом капитале. Пришвартовав судно, пиратам было необходимо не только договориться с хозяином порта, но и найти подход к местным акторам, чтобы избежать саботажа. В круг этих акторов входят политические элиты, дача взяток которым обеспечивала невмешательство правоохранительных органов, главы кланов, религиозные лидеры, местные банды и даже обычные граждане (они должны были «закрывать на пиратство глаза», пассивно ему потворствовать, делая якорные стоянки пригодными для угнанных кораблей). На обеспечение лояльности этих акторов уходило от 70 до 80 % суммы выкупа за корабль.

Основным конкурентом пиратов в этом процессе выступало центральное правительство Сомали (а именно военно-политические группировки, сумевшие в тот или иной период установить контроль над Могадишо и другими районами страны), которому пиратство было невыгодно. Чем основательнее оно подходило к решению проблемы, тем существеннее снижались масштабы пиратства (как это было в период нахождения у власти Союза исламских судов в 2006 г.). Однако, как правило, пираты выигрывали по нескольким причинам. Во-первых, за время существования сомалийского государства центральная власть как таковая значительно утратила свою легитимность в попытках воспроизвести западные институты, игнорируя местную политическую традицию. Пираты же воспринимались гражданами как автохтонная сила, защищающая свои земли. Во-вторых, пираты, в отличие от рационально-легальных институтов, действовали с учетом клановой структуры сомалийского общества. Многие из них сами являлись представителями тех или иных кланов и регулярно поддерживали свои группировки, как в материальном, так и в военно-организационном отношении. В ответ на это местные ополченцы нередко вставали на сторону пиратов. В-третьих, пираты не были ограничены нормами права в вопросе применения насилия, чем они часто пользовались во взаимодействии с населением. Центральная власть не могла позволить себе столь серьезных нарушений закона.

Проанализировав условия существования пиратства через эту трехзвенную модель, можно заключить, что пиратство в Сомали функционировало в логике парадигмы спонсорства — как в экономическом, так и в политико-институциональном плане. Выше было описано, почему пиратство такого масштаба не может существовать в централизованном,

³ The Pirates of Somalia: Ending the Threat, Rebuilding a Nation // The World Bank. Regional Vice-Presidency for Africa. – 2012. – 216 p.

экономически устойчивом государстве. Далее будет показано, почему условия тотального хаоса также не способствуют росту пиратской активности.

Одной из основных причин, почему пираты не могут существовать на территории, находящейся в состоянии «войны всех против всех», выступает необходимость обеспечения безопасной стоянки захваченного судна, для чего требуется как финансовое, так и институциональное покровительство. Доказательством этого тезиса выступает различие между регионами основной деятельности пиратов и местами, куда они угоняли суда. Пиратские стоянки были сосредоточены в основном в Пунтленде и Центральном Сомали, в то время как территория проведения операций включала в себя Сомалиленд и Южное Сомали. Несовпадение между районами нападения и местами швартовки иллюстрирует, почему пиратам в равной степени невыгодна как стабильная, так и нестабильная среда.

Сомалиленд — провозгласившая независимость в 1991 г. северная часть Сомали, когда-то находившаяся под протекторатом Британской империи. Данная территория является самой институционально стабильной частью страны. Этому способствуют этническая однородность и существенно меньшее число клановых конфликтов (крупнейший клан Иссак объединяет более половины населения [7, с. 11]). Также следует отметить положительную роль институционального опыта, сформированного в период британского правления: в отличие от итальянцев, пытавшихся силой нивелировать клановое деление, британцы выстраивали двухуровневую систему управления, целью которой было вписать клановые общины в иерархию центральной власти. Это институциональное наследие позволило Сомалиленду выстроить более эффективную систему управления, в сравнении с другими частями страны.

Еще одним фактором политической консолидации выступает желание получить международное признание [8] и привлечь иностранные инвестиции, поэтому правительство Сомалиленда активно пытается развивать порты, лишая пиратов возможности пригонять туда захваченные суда. В результате пираты не швартуются в портах Сомалиленда. Исключение составляет прибрежный район Санаг, где с 2007 по 2009 г. всё же находились суда и заложники. Это объясняется более высоким уровнем клановой фрагментации и территориальными претензиями соседнего политического образования — Пунтленда.

Еще одним непопулярным местом швартовки выступает Южное Сомали. Эта часть страны является самой политически нестабильной, поскольку находится в состоянии затяжной гражданской войны. В этой зоне пираты просто не могут найти себе патронов, способных обеспечить безопасность судна, поэтому они предпочитают ее избегать.

Самым популярным местом стоянки выступает Пунтленд, для которого характерен промежуточный уровень фрагментации. Это обусловлено наследием итальянского колониализма с его экстрактивными институтами, географическими особенностями региона (большая береговая линия и труднодоступные горные районы), а также сложной клановой структурой (пик пиратства в регионе пришелся на этап клановой чехарды в 2005–2009 гг. [6, с. 67]). Еще одним фактором развития пиратства является коррупция. Известный лидер пиратов Бойя даже заявлял, что власти Пунтленда предоставляли пиратам деньги и оружие в обмен на 30 %-ную долю от выкупа⁴.

В центральном Сомали степень дезинтеграции не достигает критического уровня, при этом фрагментация военно-политических группировок достаточно высока. Во многом это обусловлено большим количеством спорных территорий. Как пример можно привести полуавтономное непризнанное федеративное образование Гальмудуг, фактически представляющее собой клановый анклав.

⁴ No way to stop us, pirate leader says / CNN: http://articles.cnn.com/2008-12-01/world/pirate.interview_1_international-maritime-bureau-somali-coast-pirate-attacks?_s=PM:WORLD

ВЫВОДЫ

На основании проведенного анализа можно прийти к следующему выводу: сомалийские пираты не являлись полностью самостоятельным актором, возникшим в условиях «войны всех против всех». Пираты приходили туда, где центральная власть была слаба, коррумпирована или подорвана клановой междоусобицей, чтобы использовать шаткий баланс сил для поиска влиятельного патрона, способного обеспечить необходимую ресурсную базу (рабочую силу, финансы и политический капитал). Территории со слишком часто меняющимся политическим ландшафтом не отвечали этим критериям, поскольку необходимость ставить захваченные суда на якорь и защищать их в течение нескольких месяцев, а иногда и лет не позволяла пиратам действовать с очень высокой степенью конфликтности.

Литература

1. *Войтенко М.* Сомалийское пиратство изнутри и снаружи // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. – URL: https://nvo.ng.ru/wars/2008-09-26/1_pirates.html?mthree=3 (дата обращения: 28.04.2024).
2. *Лушпай Д. В.* Морское пиратство в Сомали в контексте теории и практики политического конфликта // Актуальные проблемы политической теории и практики. – 2010. – № 4. – С. 157–167.
3. *Пискунова Н. И.* Распад государства: локальный феномен или глобальная угроза // Космополис. – 2008. – № 3 (22). – С. 79–86.
4. *Помигуев И. А.* Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 199–210.
5. Antony R. Piracy on the South China Coast through Modern Times/ R. Antony // Piracy and Maritime Crime Historical and Modern Case Studies. – 2010. – 13 p.
6. Bahadur J. The Pirates of Somalia: Inside their Hidden World / J. Bahadur. – New York: Random House. – 2012. – 336 p.
7. Clapham C. African Game Changer? The Consequences of Somaliland's International (Non) Recognition / C. Clapham, H. Hansen, J. Herbst, P. Pham, P. Mazimhaka, S. Schulman, and G. Mills. – Johannesburg: Brenthurst Foundation, 2011. – 27 p.
8. Dua J. Piracy and the Narrative of Recognition: The View from Somaliland [Электронный ресурс]. – URL: <https://items.ssrc.org/from-our-fellows/piracy-and-the-narrative-of-recognition-the-view-from-somaliland-2/> (accessed: 21.12.2023).
9. Elleman B. A. Piracy and Maritime Crime: Historical and Modern Case Studies / B. A. Elleman, A. Forbes, and D. Rosenberg. – Newport, Rhode Island: Naval War College Press, 2014. – 272 p.
10. Lindskov Jacobsen K. Navigating Changing Currents: A forward-looking Evaluation of Efforts to Tackle Maritime Crime off the Horn of Africa / K. Lindskov Jacobsen, J. Høy-Carrasco. – Copenhagen: University of Copenhagen, 2018. – 131 p.
11. Middleton R. Piracy in Somalia Threatening global trade, feeding local wars / R. Middleton. – Chatham House, 2008. – 12 p.
12. Murphy M. N. Somalia, The New Barbary? Piracy and Islam in the Horn of Africa / M. N. Murphy. – New York: Columbia University Press, 2011. – 176 p.

Для цитирования:

Пастушенко Е. В. Пираты Сомали: восполнение вакуума власти или умелая кооптация? // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2024. – Т. 10. – № 3 (27). – С. 43–48.